

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

«ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ЛИТЕРАТОРА»

Александр Бугров

**ЕЩЁ
МГНОВЕНЬЕ**

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

Москва, 2020

Александр Бугров. Ещё мгновение. – М.: Союз литераторов России, 2020. – 40 с.

ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISBN

© Александр Бугров, текст, 2020

© Союз литераторов России, идея издания, 2020

© Типографии «ИП СКОРОХОДОВ В.А.», 2020

I

Сентябрьская сирень

За перелеском – огороды.
Забор, вьюнком перевитой.
Картины видимой природы
Определяются водой

У тропки небольшие камни.
И на одном из них просвет:
Рыжеет, испаряясь, капли
Ещё полупрохладный след.

* * *

Отзвука перерождение
Каждый, как хочет, поймёт.
Может, грозы приближенье,
Может, взлетел самолёт.

В небо глядит железяка
Возле понурых раkit,
И запашок аммиака
Душу обидно бодрит.

Жмётся к болотцу, немея,
Сумерек склизкая взвесь.
Отроку Варфоломею
Было видение здесь.

* * *

Там, где сад в огород переходит,
На обрыве скамейка в тени.
И с неё увидеть пароходик
Можно изредка в ясные дни.

А сегодня с утра непогода,
Неохота идти в огород.
Шум дождя и гудок парохода
В тускловатый сольются аккорд.

Дождь пройдёт, и пахнёт синевою.
И, проследовав, буркнет буксир,
Чтоб готовился вместе с листвою
Пеплом стать подсыхающий мир.

* * *

Пробит второй бутылкой
Минувшего компост.
Качнулся над Белилкой
Пригрезившийся мост.

Лазурною канцонной
Поманит ультразвук
В канализационный
Полуоткрытый люк.

* * *

Последняя капля досталась мне,
Скользнул холодок по коже.
Самая сладость – на самом дне,
И самая горечь – тоже.
Банален привкус печальной лжи
И нежно колюч потому
Что вместо домов в окне – муляжи
В масштабе один к одному.

Не помня и помня, где и когда,
Не зная зачем и зная
Исчезнет и явится без следа
Действительность запасная.
Повсюду находишь свои следы,
И тело кажется мной.
Неправдоподобен глоток воды
После грозы ночной.

* * *

После правильной разборки
Иммортельке будешь рад.
Выползают времяжорки
И руинницы кружат.

Нужен, впрочем, в идеале
Ложной памяти синдром,
Чтобы тени бликовали
На пути на тормозном.

* * *

Барский лес потеснили дома,
И продукцией хлебулочной
Пахнет старенькая полутьма
Над потерянною шкатулочкой.

Пропечённые облака
Проползают по небу низкому.
Не востребованы пока
Письма Пушкина Баратынскому.

* * *

Весною-то мы все готовы умилиться
И ахать, говоря: прикинь, сирень цветёт.
А осенью сирень как будто не жилища,
Хотя она, смотри: на том же месте, вот.

Но мы проходим тут, её не замечая.
Какой-то хилый куст, подумаешь, пожух.
За нашим пустырём, где с летом и мечтами
Упрямо на ветру прощается лопух.

Но я-то помню, как, лилово-розовата,
Вот эта же сирень к себе манила взгляд.
И замедлял шаги, и сплёвывал зевака,
И пёс под ней дремал, вдыхая аромат.

Осенним днём поймёшь: судьбы не надо лучшей,
Чем счастье потерять, но помнить про весну.
Сентябрьская сирень! Алёнушка над лужей!
Как дождь, шурша листвой, пройду и подмигну.

* * *

До пляжа снова босиком
По Костроме иду.
Она приморским городком
Бывает раз в году.

Недели две, а то и три
Изматывает зной.
Песок снаружи и внутри.
И спишь под простынёй.

И снятся тучки мошкары,
Холодный лимонад,
Химеры завтрашней хандры,
И мясокомбинат.

Открыл глаза – и был таков
В рассветной полутьме.
До моря несколько шагов
Сегодня в Костроме.

* * *

Ангелочек кружит, что ли, по небу?
Но, скорей, это дрон или стриж.
Выйдешь вечером, встретишь кого-нибудь,
Остановишься, поговоришь.

Покрутись, поскрипи шестерёнкою
В механизме рабочего дня,
И откликнется непримирённое,
Просто так на ходу повторённое,
Охраняющее, как броня.

Затянуло вчерашнею ряскою
Непроглядную давнюю муть.
Ностальгия – болезнь незаразная,
Так не бойся за эхом шагнуть.

Прошвырнись проторённой дорожкой
Зашуршит за спиной трын-трава,
И быть может, опомнится прошлое,
На мгновение или на два.

Запах липы вокруг, от которого
Скоро пересыхает во рту.
Ну а если знакомых полгорода,
То домой возвратишься к утру.

* * *

Вчера прошлой осенью видел лису,
Бродя по заречью.
Любимую песню услышал в лесу,
Пошёл ей навстречу.

Но песня исчезла. Осталась тропа.
Остался орешник.
Мираж появлялся, но снова пропал
В наплывах кромешных.

В росе паутина блеснёт, как мотив,
И руку облепит.
И световынослив, и тенелюбив
Грядущего лепет

* * *

Недолго под снежком последним
искрился пруд.
Густеет дым в саду соседнем:
там мусор жгут.
Сугроба за беседкой залежь
копит горя.
Снегурочка выходит замуж
за Мизгиря.

* * *

Первый снег посветит – и нет его.
Никогда не сбудется ничего.

Репортёр в закуской захандрил:
Этот снег не сахар, а сахарин.

То ли вздох у берега, то ли хрип...
Посинел в раздумье усталый рыб.

Он полёт замыслил, а сил-то нет.
Но бывает в жизни один момент.

Может быть, сегодня и ждёт как раз
Неизбежно что одного из нас.

Оживаешь ночью, и то во сне.
И послушен пока первый снег волне.

* * *

В бутылках застоялись корабли,
В музее школьном стену прикрывая.
На солнцепёке, будто на мели
Вращается площадка смотровая

Посникли на приколе паруса.
Профессию сменили корабели.
Но Северный и Южный полюса
На карте мира сохнут оробело

Заполыхать готовятся всерьёз
Огни святого Эльма на фрегате.
И муха, как ленивый альбатрос,
Волнует нашу гавань на закате

И vyplывают в сумрак за окном
Со скоростью мультипликационной
Кораблик детства с Пьяным кораблём
И «Чёрный принц» кильватерной колонной.

* * *

Человек у моря скучает,
Окружающий климат кроток.
Просыпаться от криков чаек,
Засыпать под кузнечиков стрёкот.

Облака проползают, как титры,
Мимо плоскоугольных кровель.
У мешка аммиачной селитры
Роковой патриция профиль.

А зимою о днях весёлых
Вспомнишь, подзабывая о грустном.
Вечерами живёт посёлок
Лапидарным хрустом арбузным.

Раз в неделю проскачет всадник.
Не шуршит листва на платане.
Но зато обжигает дансинг
Прошлых лет золотыми хитами.

Раздражают чаек побудки,
И теряешь координаты.
Телефонные видишь будки,
С газировкою автоматы –
То, что было вечным когда-то.

Газировки глотнёшь вальяжно,
Две копейки найдёшь в кармане,
И шатнётся, как неваляшка,
Дом казённый на заднем плане.

* * *

Подлечился человек,
Посмотрел туда-сюда:
Планы на вчерашний вечер
Бестолковы как всегда.

Но зато они реальные.
Спальный плохо спит район.
И напевы тут вакхальны
Слышатся со всех сторон.

Но выходит никакое
В результате «итога».
Вот такое о-го-гое,
и-го-гое о-го-го.

На мосты и танцплощадки,
На туманы и сады
Смотришь будто на остатки
Послепраздничной еды

Камуфляж метеосводок,
sms от МЧС.
На рассвете перволёдок
Появился и исчез.

II

Возвращение в черновик

За перекрёстком – лебеда.
И в ней велосипед.
Никто уходит в никуда,
Но ждёт зелёный свет.

* * *

Памяти
кривые зеркала
расходящиеся
по воде
квадраты

* * *

Танцует тёща с женихом
Свидетельница на атасе.
Невеста вышла покурить.

* * *

Пожара мирового тусклого
На всём лежала мутотень
И Ельцин с Горбачёвым Суслову
Вставая хлопали в тот день

* * *

В вагоне выключили свет.
И каждый стал самим собою

* * *

И после пары лишних шкаликов
Сознания потерявший нить
Шёл по Москве Геннадий Шпаликов
Никто не мог остановить.

* * *

а города в которых
недавно побывал –
один и тот же город.
Аэропорт. Вокзал.

* * *

Я бы стал самым собой
Да нельзя никак,
Потому что за стеной
Радио «Маяк»

* * *

Толкнуть бы эту дверь сильней
Открылась бы она.
И я узнал бы, что за ней
Ещё одна стена.

* * *

Жизни крохи
Под руками.
Караоке.
Оригами.

* * *

Пиво пенное живое
Нефильтрованное.
Глянь – и небо над Невою
Оцифрованное.

* * *

Троллейбусные провода,
Как параллельные Эвклида,
Пересекутся в «никогда»,
Которое за поворотом

* * *

За вывескою
Три ухаба
Селищенское
ноу-хау

* * *

Приводят к берегу следы
Для спецэффекта
Ещё мгновение – и воды
Коснётся ветка

* * *

Надо бы
но не делаю.
Радуга
чёрно-белая.

* * *

– Для чего тебе вторая шубка?
– Просто импульсивная покупка

* * *

Ах, Самара-трансвестит,
Беспокойная ты.
Раньше Куйбышев была ты,
Но обратно бабой стал.

* * *

Путь к прогрессу торя
Вышли на волжский склон
Три богатыря:
Киборг, мутант и клон

* * *

Принтер окает принтер окает
ходотайство чотвортый раз комкоет

* * *

Погулял бы ты сперва
поглухимдорожкамсада.
Желтезна и синива,
если видеть так как надо.

* * *

Времечко проходит медленно...
Или же летит стремительно?
Кавалер ордена Ленина
Получил медаль Столыпина.

* * *

Премьера: «Просырь
мереж».
Видимо, бросил
пить Главреж.

* * *

Не хотел но видел это:
вечность цвета винегрета.

* * *

Вадик и Мирон,
Света плюс экспрессия.
«Наш декамерон» –
Суперфотосессия.

* * *

– Съездил тут я в Сан-Тропе
– Что привёз?
– ЗППП

* * *

Нет пешки, но есть контригра
Забавно решение этюда
Забыл я побриться вчера
Так значит и завтра не буду

* * *

Заработает радиосеть,
И остатки дремоты прикончит.
И готов хоть куда улететь
Хризантемы понурый дракончик.

* * *

Возле зеркала два существа
Даже в брачных одеждах чужие.
Огородная мебель права:
Надо жить, пусть похуже, чем жили.

* * *

Два по сто
И далее
Радостопечалие

* * *

В строю
как в раю
поголовно
поникшие
условно
погибшие

III

По синусоиде

Поближе подойди – и дверь
Сама собою отворится.
В торговом центре нас теперь
Не удивишь, как в сказке принца.

И мы проходим поскорей,
И слышатся под стать эпохе
Автоматических дверей
Автоматические вздохи.

* * *

Постою у ларька – и снова
Из тумана выплывет ватного
Осень восемьдесят восьмого
(Или восемьдесят девятого?)

Деревенская дискотека...
Льётся песня густо-сирописто...
Если мат убрать из контекста,
То выходит брейк-данс над пропастью.

Просто так, на минуту, на две,
Возвратиться в восьмидесятые,
Чтоб поярче тускнеть неправде
Под всеядною стекловатою.

Брежат прошлого пробуксовки,
И от них хорошо и муторно.
Вроде как побывал в Третьяковке,
Не вставая из-за компьютера.

* * *

Восторженно-резковат
И нежно-жесток мгновенный
Нечаянный женский взгляд
Тревожно-самозабвенный.

А в общем – странный пустяк,
Картинка в старой брошюрке:
«Раскрашенный известняк
С вкраплением штукатурки».

* * *

Кто-то что-то кому-то сказал...
Колыхнулась вблизи биомасса...
И в течение суток вассал
В сюзерене успел оклематься.

Тут-то где-то откуда-то свет
Стал контрастней, но уровень звука
Кое-как уложился в бюджет...
Вот и вышла в тираж закорюка.

* * *

*«О, как же я тосковал о чём-то,
Если бы я только знал, о чём»*

Роберт Вальзер

На остановке встретит тоска
Бдительна и слепа.
Верить слезам и не бить с носка?
А пуркуа бы не па?

С виду – типичная холостёжь
Часов до семи-восьми.
Снимешь ветровку, но вряд ли спасёшь
Вечер в кругу семьи.

* * *

Как говорится, вам тут не Саратов,
Не хватит на парковке места всем.
Синдром отмены антидепрессантов
Добавит окружающим проблем

И самому не по себе немного,
И как не ждать подвохов от зимы?
Глядишь, и пригодится хатха-йога
В Зарайске при покупке шаурмы

* * *

У моста мы катались на льдинах
Так давно, что и вспомнить чудно.
На скамье запасных подсудимых,
На билбордах мы все ничего.

За маршрутками и грузовые
Забибикают скоро всерьёз.
В этих пробках стоит пол-России,
Изнывая от мелочных грёз.

Дождевое прицокнет копытце,
И начнёт цепенеть маета.
Позволяет немного забыться
Пропускная способность моста.

* * *

не пустили нас на пару
а раздаток был закрыт
мы пошли тогда на шару
на Ивановскую street
на Ивановской спокуха
подошли к особнячку
покурили дали в ухо
для порядка чувачку
зря он шёл сегодня в школу
и зажать хотел пискля

хрень конечно «моторолу»
зажигалку пепси-колу
и сто сорок два рубля
взяли по боеголовке
чипсов рыбки всё путём
выпили на остановке
пива пополам с дождём
освежились на бульваре
благодать в родном краю!
и успели к третьей паре
на куль-ту-ро-ло-гию.

* * *

В зеркале момент застав,
Видишь над собою
Плюшевое сердце «love»
Серо-голубое

И поёжишься в плену
Мутной амальгамы,
Будто смотришь на луну
Из глубокой ямы

* * *

В чахлой аллее похожи на «здрасьте»
Стрелы в руках у амуров пузатых.
Вот оно, вегетативное счастье:
Флирт ненасытный и сумрачный запах.

Не убыстряет шагов черепаших
Группа здоровья в свой час над рекою.
Ванночка, полная листьев опавших,
Озарена пролетевшей стрелою.

* * *

В незнакомом посёлке поэт
На веранде проснулся не рано.
То ли явь, то ли сон, то ли бред...
Померещилось, видимо, спяну.

Что за женщина рядом была?
И какие слова шептала?
И на левом крыле спала,
А другим крылом обнимала.

* * *

Стены стали вехами
Сбывшихся надежд.
Наконец-то въехали
В собственный коттедж.

Тараканам с мухами
Обживать впервой
Эталоны кухонной
Моды мировой.

* * *

*«Не велика вещь:
обернуться на каблуке в ½ поворота»*

В. Розанов

У цирка платная стоянка.
Пейзаж и в полдень неказист.
С афиши видит египтянка,
Что мимо смотрит гимназист.

В таком просторе измеренья
Друг друга плохо сторожат.
На площадь Мира в это время
Гулять выводят медвежат.

В тени лучины мандаринка
Как чайхана у блокпоста.
И от Калиновского рынка
До Гефсиманского скита
Пять-шесть окаменевших капель
Не в такт подрагивают, чтоб
Фиксировал видеоискатель
Покая барственный озноб.

* * *

Издали видно – темнеет оно
За городком.
Дерево ссохлось и сгорбилось, но
Пахнет медком.

Этому дереву всё нипочём
Пасмурным днём.
Зашелестел и сухостой
Липкой листвой.

Хуже с годами сплю по ночам
Память шалит.
Но позабыть старый анчар
Мне не велит.

* * *

Вспоминать об ушедшей любви
Всё равно что спартаковским прошлым
Объяснять преступления свои,
Или в тире стрелять по матрёшкам.

Под диваном найдётся винил,
Захрипит о беспечных законах.
Очертания тех, что любил –
Как знакомые наших знакомых.

Без понятия глядит дуралей
На цветник, что шуршит прихотливо...
И ушедшей любви пострашней
Уходящей любви перспектива.

Одночасья оставшийся грош
Тополиной пургой запорошен,
И рассыпанный не соберёшь
Прежних лет театральный горошек.

Не найдёшь ни один антидот,
Чтобы стала тоска необидной,
Если образ вдали промелькнёт
Эллиптический, трапециевидный.

* * *

Была пельменная во Львове.
Мы раза три сидели в ней
И фыркали на полуслове
При виде пёстрых рыбозмей.

Там, после выставки Пикассо,
Лет двадцать пять тому назад,
Ещё казалось, что прекрасно
Безумье пляшущих менад.

Настенно возникали эти
Обрубочные существа.
Пельменная при лунном свете
Тревожно в памяти жива.

Дежурно дёрнутся эскизы,
Лишь нанесёшь неверный штрих.
Попробуй усмирить капризы
Ночных потоков селевых!

И хочется эфемериде
Дожить до завтрашнего дня
В упор не слыша и не видя
Змееголосого огня

Татьянин день

Её хотелось в щёчку нежно
Поцеловать. Да нет – нельзя.
Она сказала: ну, конечно!
Конечно, мы с тобой друзья!

В ту ночь преступности кривая
Росла, напоминая бред.
Сгорел бутик и два сарая,
Пять иномарок и мопед.

В учхозе свистнули корову,
Троих побили просто так.
Свалили памятник Свердлову
За филармонию в овраг.

Взрывались бомбочки местами,
И на руинах цирка львы
С пожарниками и ментами
Резвились, празднично хмельны

Разграблен магазин игрушек,
Над горсудом – пиратский флаг.
Преступник не был обнаружен,
Но ясно – действовал маньяк.

Маньяк смотрел со дна стакана,
Вселенной кулаком грозя.
Конечно, думал он, Татьяна,
Конечно, Таня, мы – друзья.

* * *

Жить по соседству с общагой
Значит – ночами курить.
Так крокодил под корягой
Копит досаду и прыть,
Видя, как глупая пища
Чушью своей занята.
Выход агрессия ищет
Где-то в районе хвоста.

Вилку нацелишь нервозно
В сторону спящей жены...
Поздние севера звёзды
Летом почти не видны.

* * *

Помнится, вот в этом доме
В прошлом веке раза два
Выпивали мы в профкоме,
Пели песню «Синева».

Пицца сборная мясная
Предлагается взамен.
Современность, мать честная,
Стариковский аллерген.

В заведении другие
Толерантствовать спешат.
Вечная драматургия,
Прежних вёсен суррогат.

Никогда уже все вместе
Мы не соберёмся тут.
Незаменные те песни
Креативнее споют.

Не смотри на пищу хмуро!
Хроностресс нам нипочём!
Сразу поднятый окурочек
Не считается бычком!

У витрин недостоверных
В луже тлеет допоздна
Пустоцветная поверхность
Маслянистого пятна.

От конечной до конечной
Согласованный маршрут.
Пиццы запах ипотечный
Утешительнее тут.

* * *

Один из печальных курьёзов
Забыть не смогу я вовек.
На кастинге Дедов Морозов
Полсотни чудных человек.

Зачем бы мне помнить приколы
И бороды их, и носы?
Снегурочку с баночкой колы,
С хорошим куском колбасы?

Курили снежинки с жар-птицей
Кряхтел колобок в кимоно...
И думал я, что репетиций
У праздников быть не должно.

* * *

У зданья музыкального училища
Окажешься вечернею порой.
Подзаждалось тебя чувствохранилище...
Попробуй дверь тяжёлую открой!

Там проходил пустыми коридорами
Ещё/уже любя и не любя,
И повторял придиричivé до-ре-ми-
Фа-соль-ля-си, как зомби, про себя.

И ничего в небрежном вздохе личного.
И будет так ещё не раз, не два.
Полутона от охры до горчичного
Приобретает на лету листа.

* * *

«Здесь раньше книжный мага́зин был...»
(из разговора)

Здесь когда-то был книжный мага́зин,
а напротив – чуть дальше – фонтан.
Выходил покурить Стенька Разин
на Советскую в полночь вон там.

Раз пятнадцать его замечали:
вдоль рядов проходил он один.
Пустозвонили, правда, сельчане,
будто Вася был это Шукшин.

Дескать, он приходил, чтобы волю
дать людям, ну а мы, дураки,
не встречали его хлебом-солью
(вот и делал он злые круги).

Врать, конечно, горазды волжане.
А теперь здесь кафе, и сидят
обыватели рядом с бомжами
и вдыхают судьбы аромат.

Гляньте, братцы – народ у фонтана
бестолково кучкуется днем.
А его не видать. Значит, рано.
Выпьем пива, еще подождем.

* * *

Как забылось, так и вспомнилось...
Не совсем, конечно, так.
Странная возникла скованность
Перед входом в особняк.

Если точно, то одиннадцать
Не был здесь коротких лет.
Сенбернар навстречу кинется,
Хоть его на свете нет.

Оживающим фантазиям
И поддаки, и соври.
С прошлым будущее связано?
Ты попробуй разорви!

Даже и недолговечности
Безразлично: прав – неправ.
Хмыкнет дверь по-человечески,
Узнавать не пожелав.

Снится по ночам бессонница
Наподобе этих встреч
Позабудется и вспомнится,
Можно бы и пренебречь.

К полноте предрасположенный,
В зеркале размякший гость.
Кофейку теперь с пироженкой,
Как тогда хлебнёт небось.

Не проходит проходящее,
Застаёт вот так врасплох.
Эта чашка – настоящая,
Или прошлого подвох?

Вижу, как тогда, сегодня я:
За фонтаном во дворе
Листопадные животные
Кувыркаются в траве.

* * *

Прошел и старый новый год,
И мы с тобой точь-в-точь
Медведь с принцессой, и придет
Двенадцатая ночь.
А утром будет раздражать
Посуда и мигрень.
Не будем елку разряжать
Еще хотя бы день.

Не будем говорить о том,
Что мы с тобой точь-в-точь
Король с пастушкой вдвоем
В двенадцатую ночь.
И эти праздники пройдут,
И музыка заснет.
Но мы с тобою будем тут
Хмелеть и через год.

И будет тусклый снег опять
Рождаться за окном
И так же будем счастья ждать
И вспоминать о нем.
Привычную не видя мглу
На кухне мы точь-в-точь
Жених с невестой на балу
В двенадцатую ночь.

* * *

«Гляжу, как безумный, на чёрную соль, –
Сказал пациент санитару. –
Она разрушительней, чем алкоголь.
Предрасполагает к кошмару».

«И так ты законченный псих, Николай, –
Сказал санитар и качнулся. –
Но ладно, покуда мы едем, валяй,
Рассказывай, как ты свихнулся».

«На чёрную соль никогда не смотри! –
Сказал Николай санитару. –
Не дай очутиться продукту внутри,
Уж лучше хлебни скипидару.

Во вторник под вечер поспала жара,
Попрятали мы бензопилы.
Серёга, смотрю, достаёт из ведра
Бутылку трофейной текилы.

И мне говорит: будем жить по уму,
Не слушай, что брешет реклама!
Скажу я, наверно, за всю Кострому:
Лимон легитимнее лайма!

Пора церемонии пересмотреть!
Неправильно пьётся текила!
Ведь белая соль – это белая смерть,
А чёрная соль – это сила!

Как в песне, сжимаем покрепче кулак,
Щепотку кладём чёрной соли
И ломтик лимончика сверху. Ништяк!
Но помни о самоконтроле!

Мы выпили и закусили. И вот
Нормально сидели сначала,
Но чёрная соль, проходя пищевод,
Я слышал, довольно урчала.

На вырубку вышел – сознание есть!
Опилки в мозгу завертелись...
И тут я услышал Великую Весть
И впал в Запредельную Прелесть!

Усилием воли небесный покров
Сорвать удалось над собою!
И вместо лесного массива с боков
Увидел я фотообои!

Я столько Вселенской узрел шелухи,
Что в трансцендентальном порыве
Разделся и стал поедать лопухи,
Провидя Просвет в Перспективе.

Свершал Светомиссию не без греха,
И можешь ты не сомневаться:
Я скушать успел сорок два лопуха,
Пять гусениц, мух – восемнадцать.

Шерхебель до звёзд разрастался на пне
Под чёрною солью густою,
И я восторгался открывшейся мне
Реликтовой красотой!

И больше не нужен был самоконтроль!
Я стал Просветлённым и Сытым!
Повсюду провижу я Чёрную Соль!
И ты, санитар, ей обсыпан.

И мною гордиться ты вправе сейчас:
За всех я чудесно похавал!
Желудком своим человечество спас –
И точка. Я всё сказал. Хао».

Прервав монолог, Николай задремал,
Обмяк у окошка неловко,
Скользнула рука санитару в карман
И вытащила сторублёвку.

Но спал санитар. И водила со сном
Боролся и видел спросонок:
В лесу вдоль дороги под каждым кустом,
Как ёжик, пыхтел кактусёнок.

* * *

Рынок рядом с домом вещево́й.
Шопинг нашим женщинам в охотку.
Иногда приходится с женой
В выходной плестись на барахолку.

Как полузабытые божки,
Отвернувшись от торговой точки,
Курят безысходно мужики
И подчёркнуто поодиночке.

И сквозит у каждого в глазах:
Поскорей бы выбраться отсюда.
Был ещё вчера лихой казак,
А теперь – пыхтишь, как чудо-юдо.

Шеи есть, нашлись и хомуты...
И попробуй выйди на свободу...
Разные безумные мечты
Посещают мужиков в субботу:

Килограммов восемь-десять скинь,
Водке «нет» скажи и папиросам...

Павильон «Ивановский текстиль»
У клиенток пользуется спросом.

* * *

«Танцевал он всё хуже и хуже»

А.О. Смирнова-Россет

Танцевал он всё хуже и хуже,
И всё чаще сидел в уголке.
О железной витийствовал стуже,
Пел «Варяга» с наганом в руке.

Шили дело, сажали в психушку.
Сам стрелялся удачно раз пять.
Дали премию и комнатку,
В Летний сад выпускали гулять.

Запасался водой ананасной;
Ревновала вторая жена.
Осуждён, как особо опасный,
Чтоб гордилась героем страна!
И поставили памятник классный
(Смотрит в небо: видать, с бодуна!)

Гнойничковая сыпь появлялась,
Незнакомок хватало вокруг.
Выводила тревожная вялость
На бумагу полки закорюк.

Пристрастился к друзьям и картишкам,
Проигрался, примерил шинель.
Выпендрялся по-прежнему слишком,
И отправили в Братск на дуэль.

На вокзале ему стало плохо,
И в петле до утра провисел.
В богадельне преследовал лоха
Нарастающий вой вузузел.

Штрафанула и рыбоохрана.
Резюмировал медперсонал:
Неплохой был бы хлопец, да рано
Тормозные колодки стесал.

Сократили паёк, и анкету
Пусть другую, сказали, черкнёт.
И казалось безумцу, что лето
Возвратится опять через год.

* * *

Гляжу, наверно, исподлобья,
А школу не узнать почти!
Хотя бы из-за пасадобля
Сегодня стоило придти.

Фойе как будто ассамблея.
К другой партнёрше переход
С улыбкой в рамках юбилея
И озадачит, и встряхнёт.

За дверью кабинета парты
Мелькнут подобно миражу.
С поклоном из четвёртой пары
Я в пятую перехожу
Согласно хронометражу.

Напрасно угадаешь снова
В старинном танце затяжном
Эффект присутствия иного
В мироустройстве неинном.

Грустнеет, нехотя тревожа,
Навязчивый мотив чудной.
По синусоиде, похоже,
Приду из школы я домой.

* * *

Забор, обнесённый забором,
Забыть не могу до сих пор.
Обычный забор, за которым
Такой же обычный забор.

Зелёный забор деревянный,
Канистра за ним с кочергой.
Над брошенной детской кроваткой
Забор громоздится другой.

Заборы виднеются смутно.
Не знаешь, кого и спросить:
Зачем это нужно кому-то –
Забором забор обносить?

За каждой преградой преграда,
Но странная чудится весть:
В упёртости нашего взгляда
Бессмертья предчувствие есть.

И кажется праздничным вздором
Вчистую закрывший обзор
Обычный забор, за которым
Такой же обычный забор.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Сентябрьская сирень	3
---------------------------	---

II

Возвращение в черновик	12
------------------------------	----

III

По синусоиде	18
--------------------	----

Татьянин день	26
---------------------	----

Союз литераторов России
Библиотека альманаха «Словесность»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

Александр Бугров

ЕЩЁ МГНОВЕНЬЕ

*Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции*

Бумага офсетная. Гарнитура CharterC
Тираж 100 экземпляров. № 000
Отпечатано в типографии «ИП СКОРОХОДОВ В.А.»
www.printresolve.com